

ШОКОЛАДКИ ДЛЯ ЖЕНЫ

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

ТОДД МАЧИКИЗА

Народная музыкальная драма Тодда Мачикизы «Кинг-Конг» получила мировую известность. Однако талантливый композитор, как и многие его соотечественники, вынужден был бежать от расистских гонений южноафриканских властей и живет теперь в Англии. За свои сорок лет с небольшим Мачикиза служил и официантом, и посыльным, и мелким клерком, и учителем в школе, и уборщиком в парикмахерской, продавал книги, был преподавателем музыки, журналистом, музыкальным критиком, играл в оркестре.

Печатаю отрывки из автобиографической, полной горечи, книги Мачикизы, журнал хочет познакомить советского читателя с личностью этого незаурядного человека. Хотелось бы надеяться, что наша музыкальная общественность позаботится о том, чтобы мы услышали музыку Мачикизы — самого популярного композитора Южной Африки.

Тодд Мачикиза с женой.

ОДНАЖДЫ поздно вечером я поджидал автобус, который мы наняли специально, чтобы развозить всех по домам после репетиции. До автобуса оставалось еще минут пятнадцать, я вышел на угол пораньше, чтобы первым занять место.

Мне хотелось сесть впереди, чтобы устроиться поудобней с роскошной коробкой шоколадного набора, которую Патриция просила отвезти Эсмэ. Я ждал один на плохо освещенной улице фабричного района, где жили, казалось, одни манезровые паровозы; люди здесь не ходили, а пробегали безмолвными тенями. Ага, идет! Вдали засверкала пара огней. Надо поаккуратней с этой здоровенной коробкой. Нет, это не автобус. Зачем бы ему включать прожектор? Это полицейская машина. Лучше оставаться на месте. Если возвращаться на склад, где идет наша репетиция, они подумают, что я пытаюсь бежать, да еще с большим свертком. Прожектор слепит, полицейские быстро приближаются — они меня заметили.

Из темноты раздался голос: «Ии-ибо фана!» («Ага, парень!») Так кричит сторож-африканец,

когда хочет огреть тебя длинной палкой. Особенно, если видит белого хозяина, — тут он даст тебе хорошую взбучку. Это чтоб помочь полиции арестовать человека без особых хлопот. Сторожа избивают крепко. Свалят на землю, поставят ногу на горло и говорят: «Вензани ква млунгу?» («Чего тебе надо от собственности белого человека?»)

— Пожалуйста, мхулу, бог моего отца, не бей меня.

— А в чем дело? Ты стоишь тут, а другие все там, поют. Ну-ка, скажи.

Что могу я сказать этому человеку, испещренному рубцами племенных знаков, с огромными дырами в мочках ушей, в которых торчат какие-то украшения. Как объяснить этому рьяному прислужнику белых, вооруженному дубиной, что я близок к нервному припадку из-за того, что слушал собственную музыку, следил, как она из черной становилась белой, а теперь превращается в алую?

Подле меня завизжали тормоза, и из машины выскочили шесть молодцов в форме цвета хаки, с револьверами, — полицейские. Они закричали сторожу: «Как тут, все в порядке, Джим?» Атлетиче-

ские фигуры надвинулись на меня. Прозвучала обычная фраза: «Ну, ну, джонг?», что означает: «Ты кто такой, паршивец?»

Что сказать о себе, когда одет в выцветшее мятое пальто, когда пробирает дрожь, когда боишься показать документы — их много, и ни один не в порядке? Мерзкие налоги на цветных не плачены с десятков лет. Не платил из протеста. И вот передо мной в полночный час сборщики налогов.

Они подскочили ближе: «Говори, джонг, или язык твой поганый проглотит? Где пропуск?»

Перехватив свою большую коробку в одну руку, я вынул из бокового кармана маленькую синюю карточку, где было написано: «Предъявитель сего является членом танцевальной группы «Кинг-Конг». Убедительно прошу служащих южноафриканской полиции разрешить ему проследовать домой после репетиции, которая обычно кончается в час ночи. Спасибо».

— О господи, это один из кафров «Кинг-Конга». Ладно. А что это у тебя в свертке, джонг?

— Это шоколадки, хозяин, шоколадки для жены. Мне только что дали.

— Ого-го! Господи Иисусе, Пит, поди послушай! За все ночные дежурства мне впервые попадается подобная обезьяна.

Они окружили меня.

— Пожалуйста, хозяин, не ломайте коробку.

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо! — Их раздирал смех. — У обезьяны шоколадки для жены... Девки теперь называются женами, ха-ха-ха! Для них шоколадки!

Гогоча, они забрались в свою тюремную машину, и, когда она скрылась, эхо долго носило в ночи их гогот.

* * *

Я влез под одеяло к своей бедной, исстрадавшейся жене, не спавшей ночей, поджидая меня с репетиций «Кинг-Конга». Лежал на спине и смотрел в потолок, где беспрестанно плясали мягкие отсветы свечки, — мечтал о путешествии, о свободе.

— Милая, давай уедем куда-нибудь.

— Мм?

— В Англию, в Америку...

— В любом углу земли лучше, чем здесь.

— Уезжаем завтра! Перебежим границу...

— А дети, Мариан и Джон-Энтони?

— Да, детям это не под силу. Придется достать паспорта и улизнуть быстро, пока их не отобрали.

* * *

Где телефон? «Дзз-зинь». Въедливый и холодный женский голос отозвался: «Алло».

Я: — Дайте, пожалуйста, Отдел по благосостоянию цветных.

Въедливый голос: — А кого вам там надо?

Я, просительно: — Госпожу Мачикиза, пожалуйста.

Оттуда, язвительно: — Что-о? Кого-о?

Что ж мне, сдаваться?

— Госпожу Ма-чи... — Бесполезно. Телефонистка торопит и злится.

— Имя, имя ее как? — Голос вроде бы выровнялся — так затихает кипящий чайник, прикрытый крышкой.

— Эсме. — Чтобы скорее покончить с этим, лучше уступить.

— Что ж вы сразу не говорите? Я не обязана тут знать ваши туземные имена.

— Простите, но я назвал не туземное имя, а ее фамилию.

— Ну и вообще мы не обязаны знать ваших туземных фамилий, имен и прочее. Вы по делу, или это личный разговор?

Я почувствовал, что нужно говорить смелей и настаивать на своем. Нужно резко оборвать ее. По телефону они ничего не сделают, не то что лицом к лицу. Тогда им только ответь — хватят головой об стенку для науки. Надо сказать, что она есть, чертова кукла! Рука, зажавшая трубку, вспотела. Уши горели от ярости. Внезапно я почувствовал себя уверенней и, переступив с ноги на ногу, сказал: «Послушайте, если вы меня не соедините с нужным мне человеком, у вас будут неприятности».

Она ответила: «Слушайте, вы, там... (На африканс это звучит примерно как «мне плевать, кто вы такой».) Слушайте, у меня тут инструкция на стене, понятно?»

— Так вот и соедините меня сейчас же по вашей инструкции с вашим начальством. — Я осмелел до того, что прибавил: — И если вы этого не сделаете, я позвоню ему по прямому телефону!

Послышались глухие ругательства и угрозы.

Коммутатор отключается, говорит Эсме.

— Это ты, дорогая? Знаешь, я приду попозже. Хочу зайти к этому белому парню — Эрику Хопленду, он пригласил меня и Джо.

* * *

Мы ели, строя про себя догадки, кто это готовил такие вкусные вещи. Как вдруг послышался страшный удар — что-то случилось на улице. Стекло вдребезги... Тревожный крик: «Африка-а-а!» Так всегда, случись авария, смерть, свадьба, арест или освобождение, африканцы кричат одно: «Африка-а-а!» Что там на этот раз? Рывком все мы бросились к окнам и раздёрнули шторы, чтобы взглянуть на залитую электрическим светом улицу внизу. Сотни африканцев окружили трамвай, который врезался в автомашину. «Здорово трахнуло, а?» И мы вернулись к столу.

Улица затихла. Изредка мимо проносился с шумом пригородный автобус; мы готовились начать разговор, чтобы расшевелить Эрика. И тут раздался легкий, прямо-таки деликатный стук в дверь! Эрик окинул нас вопрошающим взглядом, ожидая, видно, услышать, что кто-нибудь пригласил еще друзей. Потом он сказал: «Это, должно быть, девушка сверху». Пошел открывать и впустил двух мужчин с постными лицами. Они задержались в дверях, пока Эрик, переминаясь с ноги на ногу, неуверенно спрашивал, что им нужно, молча заглянули в комнаты через переднюю и увидели... меня. Я стоял на самом виду.

Ну, ладно, раз они меня увидели, бросаться на меня они не будут. А выход все равно только один. Они зашли в кухню. Эрик дал нам рукой знак — замолкнуть, скрыться, сделать что-нибудь. Джо зашептал: «Собачья это улица, ребята!» Его худая фигура скрылась за дверью уборной рядом с кухней. Нкузана, утратив сразу весь светский лоск и протрезвев, последовала за Джо. Фэй мгновенно превратилась из мурлыкающей разнеженной кошечки в стремительную дикую кошку — быстро и бесшумно она кинулась к стенному шкафу и исчезла в нем. Хорошо еще, что квартира оборудована такими удоб-

ными местами, где можно спрятаться. Потом Нкузана вспомнила о кувшине с вином. Она выскочила из уборной, как рысь ринулась к кувшину и снова скрылась, как раз в тот момент, когда мужчины вышли из кухни. Эрик вяло протестовал: «Я не понимаю, как это можно — вторгаться в чужую квартиру и обыскивать, даже не представившись как следует».

— По новым законам ордера на обыск не требуется.

— Но вы не в форме, откуда я знаю, что вы из полиции?

Больше они не стали обращать на него внимания и направились ко мне. Остановились посреди комнаты и молча уставились на меня. Последний раз я так же вот чувствовал себя загнанным в угол той ночью, когда шестеро здоровенных полицейских осаждали мой дом в поселке Орландо¹. Тогда у нас в гостях были Энтони Сампсон и красивая португальская журналистка. Кожа у нее была совершенно очаровательная, какая-то радужная, и она поблескивала в неровном свете свечи, оттеняя рубиновые губы, румянец на щеках, синие глаза и налитое мной белое испанское вино. Полицейские все это оценили. Они не отрывали глаз от Миранды. Они конфисковали вино, а когда я стоял перед начальником участка, ожидая приговора за незаконное хранение спиртных напитков, Эсме услышала, как полицейские переговаривались: «Дурака мы свалили. Надо было дать этим приятелям по мозгам как следует, а ту красотку...»

* * *

Два белых человека надвигались на меня, как стены камеры пыток. На левом был костюм излюбленного бурами покроя, ладони у него, как сковородки. Он сказал: «Если тронешься с места, я тебя пришибу вот этой рукой». — И он поднес сковородку к моему лицу. Я знал, что он может. Покачивая бедрами, он подошел к столу и склонился над стаканами, чтобы установить запах содержимого. Нос его сморщился, будто запах вина был ему противен. Пальцы-сосиски обхватили стакан, кожа на суставах сжималась и разжималась — словно морщинки на хоботе слона.

— Боюсь, что придется обыскать.

— Нечего бояться. Ищите, не прячемся, — нервно отозвался Эрик.

— Может, потребуется что спросить — я сержант ван дер Валт, а это — констебль Кукемур.

Кукемур был достаточно темен, чтобы сойти за цветного. Костлявый, нескладный (я на его месте не носил бы двубортных пиджаков), в очках размером с иллюминаторы и огромной коричневой шляпе ковбойского пошиба — чем-то она напоминала придорожные столбы в Калахари. Этот двигался ко мне боком, давал понять, что под пиджаком у него сзади топорщится не что иное, как револьвер. Такиими пристреливают лошадей из жалости.

Кукемур спросил меня на языке коса с заученным, демонстративным акцентом: «Ты кто такой, ты?» Это удвоение местоимения немилосердно резало слух. «Коса, милостивейший государь, коса».

— Что же ты делаешь здесь, в доме белого человека?

Тут я понял, что от него никуда не денешься, и объяснил: «Хозяин, я пришел поговорить с ми-

стером Хоплендом о музыке. Мы обсуждали Баха, когда вы вошли».

— В этом вся беда. Вы, черные, зря тратите время с этими белыми бандитами и каждый раз нарываетесь на неприятности. Им терять нечего, и вам терять нечего. Чего вы за ними увязываетесь?

— Хозяин, я ни за кем не увязываюсь. Я только пришел поиграть Баха и поговорить о музыке с хозяином этой квартиры.

В это время вмешался жирный, который уже обнюхал стаканы, тарелки, хлеб и все, что осталось от обеда, — он выпрямился и рявкнул: «Бах, черт побери! Что здесь происходит? Ты же из тех черномазых в Орландо, что держат публичные дома для черных и белых!»

— Нет, хозяин.

— Нет! Он говорит — нет! — Он орал все громче и громче. — Значит, я вру, да?

— Нет, хозяин, вы не врете. Хозяин не врет.

— Значит, я прав — ты владелец заведения в Орландо?

— Хозяин принял меня за кого-то другого. Возможно, хозяин ошибается. Но хозяин не должен думать, что я смею говорить, что он врет. Я хочу сказать, что это ошибка.

Тут полицейский увидел туфли Фэй на полу.

— Где женщина? — Он зашевелил ноздрями, как гончая, взявшая свежий след.

Потом он заметил сумку. «Кто еще здесь?» — спросил он у Эрика и не получил ответа. Открыл сумку, высыпал содержимое на стол. Обнаружив записку, взял ее и прочитал вслух: «Дорогой Эрик, милый, если бы...» — и промолчал: «Это кто тут под-писал: любящая тебя?»

— Это не мое. Это дамская сумка, и, мне думается, лучше ее оставить в покое.

— Мы все забираем с собой. Кукемур, смотри за этим твоим. Я обыщу квартиру. — Ван дер Валт наклонился за чем-то, и маленький блестящий пистолет выскользнул из его кармана, громко стукнувшись об пол.

Я сказал: «Хозяин, если эта штука выстрелит в мою сторону, конец мне, бедному».

Ван дер Валт был счастлив. Он поднял пистолет и помахал им, любовно на него глядя: «Нет, парень, на одного он не зарится. Ему надо много, этому малышу. Много».

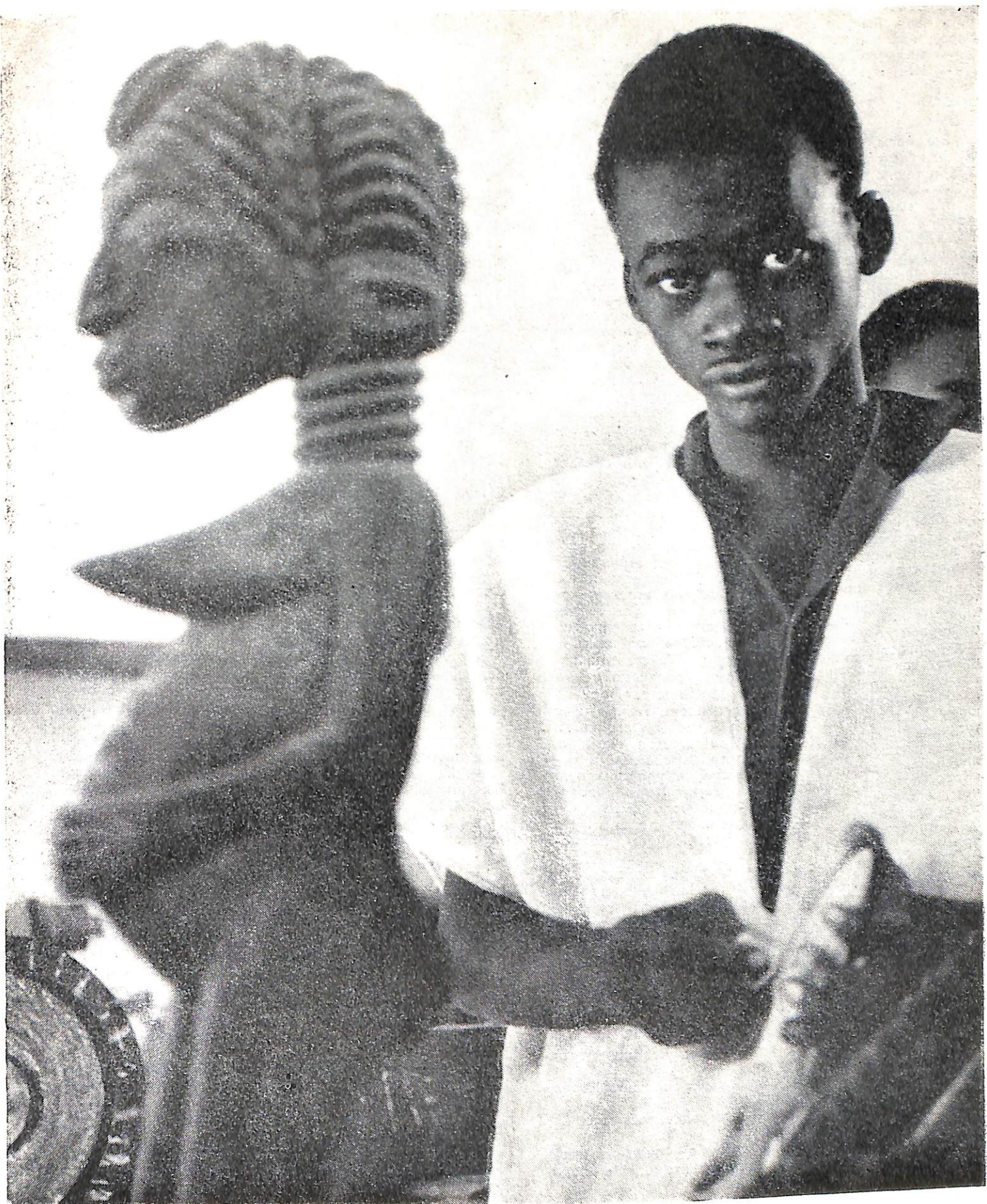
Подойдя к шкафу, он распахнул дверцы. Одежда. Куча барахла на вешалках. Ван дер Валт перебрал его на манер продавца, отыскивающего требуемую вещь. Одна, две, три — хлопнул дверцами и пошел к уборной. Там все было просто — там скромно стояли Джо, Нкузана и кувшин с вином.

По крайней мере мы теперь были вместе...

Ван дер Валт торжествовал. Он прошел мимо нас и подошел к книжной полке, проглядел названия. «Ага! «Черная красавица»! Что это такое?» Глаза его запрыгали по строчкам в середине книги. Он явно не читал, а лишь смотрел на текст. «Кукемур, мы поймали тут коммунистов, посмотри-ка!» Он захлопнул книгу и снова громко прочитал: «Черная красавица». Кукемур пожевал губами. Вынул вставные зубы, вытащил из кармана грязный носовой платок, послонил его, протер челюсть и запихнул ее обратно в рот.

Набралось два больших чеходана книг, газет и брошюр. «Мы почитаем это внимательней в

¹ Орландо — пригород Йоганнесбурга, населенный африканцами.

участке. А теперь позвольте по обычаю предупредить вас». Вынули пистолеты, угрожающе помахали перед нашими глазами и сунули обратно.

— Вот же лифт, ван дер Валт.

— Нет, Кукемур, они должны идти пешком.

* * *

Бам, бам, бам! Начальник полицейского участка лупит кулаком по конторке. «Слушайте! Слу-шай-те!» Так истошно вопят на суде: «Суд идет!»

— Выворачивайте карманы. Все!

Мы выстроились в шеренгу, обдавая друг друга ночным винным перегаром; подходили к конторке, где содержимое карманов перекожевывало в холщевые мешочки. Принимая вещи, сержант до тошно просматривал все девяносто шесть страниц паспорта, чтобы проверить, расписался ли ваш «работодатель» за последний месяц. Слава тебе, господи, он не стал листать мой паспорт. Я его не сдавал моему «работодателю» больше, чем позволяет закон. Что было бы со мной, если б это заметили?

Правой рукой сержант подпирал голову, гудевшую от бесконечной регистрации прибывающих и выбывающих. В левой он держал мой паспорт, предмет моей гордости, о котором премьер-министр говорил как о мечте черного человека. Он сказал: «Я, Фервурд, освобождаю мой черный народ от необходимости носить бесчисленные пропуска и документы. Так было при правительстве Смэтса. Я избавляю туземца от этих обременительных бумаг, которые еще и теряются часто, как на зло. С новой книжкой все проблемы удостоверения личности решаются легче. Туземец уважает книжки. И я подумал: почему бы не дать ему книжку, которая содержала бы все нужные полиции сведения? Данные записываются на страничках книжки, от первой до девяносто шестой. Когда полицейский задерживает его, он просто-напросто листает книжку вот так — жжжжжж! И все там обозначено».

Ну вот полицейский теперь и листает лениво мою паспортную книжку. Он заносит мое имя в книгу учета, рисует восемь букв моей фамилии и тут же добавляет два «ё». Теперь моя фамилия выглядит так: Мачикизаёё. Вспышка веселья в полицейском участке. Сержант вопит от удовольствия: «Коос, поди-ка посмотри!» Подходит Коос и хохочет; я никогда не слышал подобного смеха. Он едва произносит: «Господи, ты меня доконал! Но у меня тоже есть одно имечко. Пойдем, посмотрим».

Они отходят от очереди сдающих паспорта и опоражнивающих карманы. Вот и чудесно, теперь мы можем вздохнуть посвободней, пока они не следят за нами.

Мы нервно вздыхаем.

— Как дела, браток?

Браток отвечает:

— Вторжение в пределы частного владения.

— А ты, браток?

— Неуплата налогов.

Я шепчу неплательщику: «Как же, черт возьми, они тебя зацепили? Я вот не плачу одиннадцать лет».

Снова послышался громкий смех сержанта Кооса и его коллеги из-за конторки.

— Ха, ха, ках, ка, ха! — выстреливалось, как из плохо налаженного пулемета.

— Этот не хуже: Гкамбакамба — пусть-ка произнесут. Эй, вы, подонки, подите кто-нибудь сюда и прочтите вслух эту фамилию.

Мы читаем, и они снова раздражаются хохотом: «Ха, ха, ках, ка, ха!» — все громче и громче.

— А ты его видел, вон он в углу. А ну выходи, учитель, ты где? Говорит, что учитель.

— О, это хорошо. Учитель, ты писать умеешь, не правда ли? Ну вот, садись и записывай фамилии этих людей.

Учитель проработал с час и так вошел в роль, что перестал спрашивать каждого арестованного: «Ваше имя, пожалуйста». Теперь он просто говорил: «Следующий!» — и записывал с остервенением профессинала.

— Этот называет себя учителем. Взяли в туземном такси с ворованными товарами. О господи, а этот — музыкант.

— Так у нас есть музыкант! Подойди-ка сюда, музыкант. На какой музыке ты играешь. На трубе?

— Нет, хозяин, на тромбоне.

— Сыграй нам «Сари Мариас».

Когда музыкант поднял свой тромбон, полицейский заметил: «Господи, никогда я не видал подобной трубы, Коос. Наверно, здорово играет, а?»

— Так, а ну, осади назад — пусть трубач выдаст что-нибудь зажигательное. А вы не жмитесь к стенкам, танцуйте, танцуйте. Давай, трубач, поддай жару. Пусть Африка потанцует вечерок.

Мы приплясывали в дежурке, обливаясь потом. Устали, но остановиться не решались. Музыкант увлекся, полузакрыв глаза. Мелодии, собственно, не было. Просто какие-то невозможные ритмические звуки. Тромбон смешно рыгал и хрюкал. К этим звукам примешивался полицейский смех из-за конторки — громкий и самоуверенный, издевательский, отвратительный, сытый.

Мы менялись партнерами в сумасшедшей кадрили...

Прибыла полицейская машина с новой партией арестованных. «Ну ладно, ладно, хватит. Быстро всем сесть вдоль стены!»

Арестованные один за другим устало рассаживались на цементном полу, пока все шестьдесят не сгрудились у стен. Усталые и печальные головы склонились друг к другу, как клубки черной шерсти, как какой-то груз перед упаковкой.

Вскоре прибыла еще одна машина, изрыгнувшая очередную партию. Мелькнули знакомые лица.

— Бог мой, — прорычал раздраженный голос. Это был знаменитый сержант Паулс, краснолицый и рябой. О нем говорили, что он делает зарубку на своей дубинке, когда застрелит кого-нибудь. — Бог мой, опять полно!

Откликнулся его спутник:

— Да, надо что-то делать сейчас же, иначе некуда будет привозить. Машина старика ван Вуррена еще не кончила облаву, а ты же знаешь, сколько он берет.

Паулс ставит ногу на ящик и говорит одному из вновь прибывших: «Начисть мне ботинки».

— Слушаю, уважаемый начальник. Но чем, начальник?

Паулс вытаскивает платочек из нагрудного кармана арестованного: «Вот этим!»

Ботинки набирают блеск. Арестованный выпрямляется:

— Так хорошо, мой начальник? Можно я кончу потом? Пожалуйста, начальник, мне нужно в уборную.

— Дламини, отведи его в уборную. Смотри, не обделаешься здесь, эй, ты!

Когда арестованный возвращается и смешивается с толпой, я узнаю его. Это Дональд Стофиле, работник системы социального обеспечения.

Он шепчет: «Ого, сын земли африканской, и ты, и Джо... Слушай, я забыл документы и, только выходя из кино, вспомнил, что уже позже комендантского часа. Ой, если меня обыщут — дело плохо: у меня фляжка в заднем кармане. Так-то вот».

«У-у-у-у», — зевнула огромная железная дверь, покрытая чешуйками и бугорками, как крокодила спина. — У-у-у-у». Она заглывала нас с расстановкой, как слон горошины, проталкивая крепким неумолимым хоботом в бездонную утробу.

* * *

Когда в семье умирает кормилец, африканцы идут в осиротевший дом с вытянувшимися лицами, с подарками, туманными планами, с черными головами в трауре, с готовностью помочь, с солнечным теплом. Эсме пришлось все это пережить за три дня. Когда же я вернулся к жизни — господи! — это было светлое воскресенье! В субботу утром доверенный заключенных — ему разрешается свободно ходить по камерам — сказал мне: «Эсме ждет там, у ворот, пришла с залогом. За каждого двадцать пять фунтов. Сильвестр Стейн, редактор «Драм»², тоже принес немного денег, чтобы выкупить тебя и Джо».

— А что с Эриком Хоплендом?

— А да, этот парень, твой белый друг...

Много месяцев спустя в ушах у меня еще звучал голос доверенного: «Белый друг, белый друг. Тот парень, твой белый друг».

Да, мы часто виделись с Эриком Хоплендом. Каждое утро охрана спозаранку поднимала нас убирать помещение. Мы подметали цементный пол, гонялись за каждой соринкой, ползая на коленях. Затем нас вели в камеры для белых — стелить их постели и подтирать мочу на полу. (У них, помимо грубых, колючих волосяных подстилок, были матрасы из мочалки.) Вот тогда-то мы и обсуждали с Эриком планы своей защиты на суде.

— Ты не сумел с кем-нибудь связаться?

— Нет, адвокатам не разрешают видеться с нами. Подозревают, что мы политические.

— Как тебе удалось это узнать?

— Из особого отдела³ приходили меня допрашивать. Сказали, что это серьезное преступление с моей стороны, что я вас, чертей, угощал выпивкой.

— Нас тоже вызывали. Желали знать, почему у меня в записной книжке упомянуты имена белых женщин: Деборы Дунка, Джен Жилеспи, Надин Гордимер⁴. Я сказал, что они мои коллеги по части музыки.

— Они допытывались, кто такая Фэй. Так или иначе, Леон Леви⁵ придет утром узнать насчет залога.

В этот момент в камеру ввалился стражник.

— Проклятье! Чего это вы, коммунисты, шепчетесь в углу? Что тут замышляете, а?

Эрик быстро отвечает:

— Я говорю этому другу, что если б не дыра с голову величиной в самой середине матраца, он мог бы взять его себе в камеру.

Я добавляю:

— Начальник, если я возьму матрац или дырку от него в свою камеру — вы знаете, что произойдет?

² «Драм» — прогрессивный южноафриканский журнал.

³ Особый отдел — южноафриканская охранка.

⁴ Н. Гордимер — известная в ЮАР писательница.

⁵ Л. Леви — руководитель ныне запрещенного межрасового Конгресса профсоюзов.

— А что?

— Ну, вы же знаете ту комнатку, куда мы складываем свои подстилки и потом кидаемся за ними, расхватываем какие получше. Ну, ту самую комнатку, начальник, где еще пахнет мочой. Нет, не ту, где параша и половые тряпки. Ну, если начальник знает, как мы рвем друг у друга подстилки, можно представить, что будет с матрасом.

Начальнику некогда.

— Вам четверым приказано спускаться вниз. Серые вызывают, особый отдел. Быстро!

Черный полицейский в особом отделе держит кисть моей руки. Прижимает к чернильной подушке, крепко. Поворачивает ладонь, чтобы я убедился, что она хорошо выпачкана несмываемой краской. Он тихонько напевает одну из наших песен протеста — «Что Лутули сделал». Предательски улыбаясь, он едва слышно спрашивает меня, подчеркивая каждое слово: «Ну, что сделал Лутули?» Протестую спокойно, ибо я в его руках: «Ничего общего с политикой не имею». Однако он не перестает напевать мне мелодию, пока оттискивает сначала ладонь, затем каждый мой перст на бумажном листе. «Ах-ах, как симпатично выглядит рука человека на бумаге», — и потом: «Так вы вместе с тем белым?»

Нас сажали на лавку перед фотоаппаратом, чтобы сделать казенные снимки — фас и профиль, обычные тюремные ракурсы. Я пытаюсь занять себя наблюдением, как полицейский фотограф действует камерой, как наводит объектив. Он обнаруживает это и включает лампы одну за другой до тех пор, пока не ослепляет меня вконец. Нам делают смотр, вызывают познакомиться по одному. Они стоят группами. Двое. Трое. Четверо. Не больше, чем четверо.

Четверо белых враз внимательно и сердито тебя рассматривают. Они выглядят весьма внушительно, особенно когда перешептываются: «Этот белый из Англии, не так ли? А эти трое черных, который из них музыкант паршивый?»

Они подходят ближе к нам, пленникам, сбивая нас в кучу, так что сердцебиение учащается. «Почему ваша машина находилась у дома номер 25 по улице Хилброу в ночь на такое-то число? А девушка понравилась?» Большой человек из особого отдела, один из четверых, поинтересовался: «А девушка понравилась?»

* * *

Заросшие и шелудивые, напуганные и ослепленные солнцем, мы вышли из подвала, представьте себе, из-под той самой конторы, где выдают разрешения на потребление спиртного. Выше выписывают разрешения: две бутылки в месяц. Ниже несчастный подвал: два месяца за нарушение законов о спиртных напитках.

Мы маршируем из подвала под возбужденные крики женщин. Воздух заполнен гомоном женских голосов, они приветствуют мужчин, как воинов, возвращающихся с поля боя: «Э-ле-ле-ле! Э-ле-ле-ле!»

Люди поют, но не только в честь трех черных и одного их белого друга. Они поют о сотнях черных существ, выходящих из китового чрева тюремных камер. Поэтому мы чувствуем себя сильными.

(Окончание следует)

Перевела с английского
Т. Яблочкова